

Гусейнова М. Н., д. филол. н., проф.
Азербайджанский государственный
педагогический университет
(Республика Азербайджан)

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАСИМИ И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ В ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

В статье проанализированы диалектизмы, составляющие часть авторского словаря великого поэта Имадеддина Насими, который сыграл выдающуюся роль в развитии азербайджанского литературного языка XIV–XV веков. Опираясь на произведения фольклора и своих великих предшественников Хагани, Низами, ведущих представителей ближневосточной поэзии, зная все жанры и смыслы классической поэзии, Насими придал свежесть литературе своей эпохи, создал поэтические тексты, которые сохраняют ценность до настоящего времени. Он умел мастерски использовать все фонетические, лексические и грамматические средства языка. Великий поэт, осознавший свою ответственность за историю азербайджанского литературного языка, также использовал диалекты для определенных стилистических эффектов. Одной из наиболее важных и актуальных проблем, стоящих перед современной тюркологией, является всестороннее изучение литературного наследия поэта с богатым и разнообразным словарем. В этом смысле каждый из стихов Насими, каждая его строфа является неразрешимой загадкой для читателя, который далек от восточной поэзии, исламской религии, восточной теологии и мифологии.

Эта статья станет первой попыткой прокомментировать интеграцию диалектов в творческое наследие Насими и интеграцию соответствующих лексем в тюркские языки. В статье также проанализированы особенности использования возвратных местоимений (*oz, kendi*), а также употребление этих местоимений во всех тюркских языках.

Ключевые слова: местоимения *oz, kendi*, возвратные местоимения, тюркские языки, интеграция наследия Насими, диалектизмы.

Одним из главных атрибутов азербайджанской национальной идеи является азербайджанский язык. Президент Азербайджана в 1993–2003 гг., выдающийся лидер Гейдар Алиев неоднократно повторял: «Язык каждого народа очень дорог ему. Для каждого из нас очень дорог наш родной азербайджанский язык. В течение многих лет он не мог занять надлежащее место в нашей жизни. Но несмотря на это, каждый азербайджанец прикладывал сколько мог усилий для сохранения своего языка. Особенно наши писатели, литературоведы, поэты, которые в те тяжелые времена сделали так много для выживания азербайджанского языка. Азербайджанский язык в XX веке прошел сложный путь развития. Язык играет большую роль не только в создании идеологии народа, но и в формировании самого народа. Азербайджанский язык веками полировался и оказывал влияние на национальное самосознание и менталитет людей, выражая их мысли и охватывая все сферы общественной жизни» [8].

Указом президента Ильхама Алиева 2019 год был объявлен «Годом Насими» в связи с 650-летием известного азербайджанского поэта и мыслителя Имадеддина Насими. Этот указ ясно показывает, что независимый Азербайджан высоко оценил своих выдающихся писателей, наследие классической литературы и стремится воспитывать новое поколение на их примере. В то же время он засвидетельствовал, что изучение языка и стиля азербайджанской классической литературы является одной из задач нашего времени.

Насими положил начало нового, замечательного периода в нашей поэзии. Автор многочисленных оригинальных произведений на азербайджанском, персидском и арабском языках, он сыграл неоценимую роль в развитии азербайджанской поэзии и литературного языка, поднял их литературно-художественный уровень. Его стихи оказали глубокое влияние на литературу всех тюркских народов и на классическую восточную поэзию в целом.

Творчество Насими совпало с самым бурным и противоречивым периодом в истории Азербайджана. «Язык способен отражать историю любой нации. В этом отношении язык Насими возрождает истинную картину самой истории» [1.11]. Насими продемонстрировал способность азербайджанского языка передавать все нюансы чувств, затрагивающих жизнь общества, природу, биение человеческой мысли. Глубокие образы, которые он использовал

в своих стихах, впоследствии оказали влияние на многих великих мыслителей.

Произведения Насими написаны в сложные исторические времена. Интеграция его авторского словаря в тюркские языки имела большое значение для современной эпохи. Творчество Насими представляет огромный интерес с точки зрения истории языка, а также диалектологии тюркских языков, но еще не было изучено в полном объеме, что обуславливает **новизну** этого исследования.

Нисами писал свободно на родном языке, на языке мустазад (*müstəzad*), мураббе (*mürəbbə*), тарджибенд (*tərcibənd*), используя рубай (*rübai*) и туыугах (*tuuq*). Большинство азербайджанских слов в произведениях Насими употребляются в современных тюркских языках или диалектах, изменившись в соответствии с историческими и фонетическими законами. К таким лексическим единицам относятся слова *ayruq* (*ayrıq*)-*ayrı*, *oq-ox*, *ol-o*, *iyqu* (*iyuxı*)-*uyuxı*, *bin-min*, *böylə-belə*, *topraq-torpaq*, *qamu-hamı*, *qani-hanı*, *kim-ki*, *yıl-il*, *yudmaq-udmaq*, *yürək-ürək*, *yuşa-ısa*, *yıldız-ulduz*. Каждое из этих слов функционирует как в тюркских литературных языках, так и в диалектах в тех или иных фонетических вариантах. Например, слово *böylə*, используемое в диалектах азербайджанского языка, входит в состав литературного турецкого языка. В азербайджанском литературном языке используется вариант *belə*. Наши наблюдения показывают, что это слово имеет свой эквивалент в башкирском — *binday*, *oşonday*, *şunday*, в казахском — *bulay*, *bunday*, в киргизском — *ışunday*, *minday*, в узбекском — *bundäy*, *bunäka*, в татарском — *andıy*, *şundiy*, *mondiy*, в туркменском — *beyle*, в уйгурском — *şundak*, *mundak*.

В текстах Насими есть немало слов, которые вошли в тюркские языки и их диалекты, немного изменив смысл или в составе композитов. Например, у Насими эквивалентом слову *kishi* (*мужчина*) выступает *adam* (*человек*). Позже его начали употреблять в таком варианте — *adatın erkək cinsi*.

Слово *al* — *hiylə*, *kələk* обозначает *aldatmaq* (*обманывать*) и является корнем слова *aldatmaq*.

Некоторые собственно азербайджанские слова, которые активно использовались в эпосах «Деде Коргут» и произведениях Насими, считающихся первыми памятниками устного литературного языка, теперь забыты. Вот несколько примеров:

Ağmaq — “*icalmaq, qalxmaq*”: “*Kü rsiyi-rəhmanə ağıdın getdin ərşüllahi gör*”.

Tamu — “*cəhənnəm*”: “*Tamuyi bil ki, neçün oldu yedi*”.

Uçtaq — “*cənnət*”: “*Səkkiz oldu qamusu içtağıñ*”.

Стоит отметить также, что некоторые слова в этой группе продолжают ограничено функционировать среди архаичных слов. Например, в выражении «*uixıpın çin olsun*» слово «*çin*», а в выражении “*namaz qilmaq*” слово “*qilmaq*” употребляются в турецких диалектах.

Великий Насими, признавая свою ответственность как мастера слова, умело использовал диалекты для создания определенных стилистических эффектов. Мы можем наблюдать как функционирование некоторых из древнетюркских лексических единиц, с одной стороны, так и их фонетические варианты, с другой. Например — *dün*. Этот диалектизм в стихотворениях Насими употребляется в значении ‘*gecə*’ (ночь): *Dünü gün müntəzirəm bən ki, bu pərgar nədir, Günbədi-çərxi fələk, gərdişi dəvvvar nədir* [2, с. 257]; *Dünlə günüm həmişə qəməi şamü səhərdir* [2, с. 257].

Слово *dün* в современном турецком и азербайджанском языках никакому изменению не подвергалось, но в туркменском в середине этого слова добавляется согласный *y* (*diyin*). Это слово в значении ‘*gecə*’ (ночь) в башкирском употребляется как *kisä*, в казахском — *keše*, в киргизском — *keçē*, в узбекском — *keçä*, в татарском — *kiçä*, в уйгурском — *keçä*. Интересно, что старая форма слова *dün* — *tün* в уйгурском языке не встречается. В уйгурском языке слово *tün* употребляется как первый компонент слова *tünögün* [3, с. 195].

Слову *dün* в азербайджанских диалектах соответствует *qaranlıq* (темнота). Вариант *tün* этого слова в гянджинском диалекте имеет значение «*üstü örtülü kütçə*» (закрытая улица) [6, с. 393]. Б. Халилов отмечает, что слово *tün* в гахском диалекте употребляется в значении ‘*səkkiz litrlik neft qabı*’ (8-литровая посуда для нефти). Например: *Tündə nəft saxlayırıx*. Это же слово в гянджинском диалекте употребляется в значении ‘*hər iki tərəfində müxtəlif dükanlar olan üstüörtülü pasaj*’ (‘пассаж, окруженный с обеих сторонах магазинами’) [9, с. 323; 5, с. 513].

Слово *tün* в смысле «*gecə*» (ночь) употребляется в уйгурском, джыгатайском, таранчинском, киргизском, черным киргизском, алтайском, сагайском, койболском, команском и др. языках: *tün*

(на уйгурском языке) — *gecə-gündüz*; *tün ortası* (на киргизском языке) — *gecənin ortası*; *tün ortozı* (на телеутском языке) — *gecənin ortası*; *orto tün* (на телеутском языке) — *gecənin ortası* [7, с. 1548].

В эпоху Насими слово *tün* было лексической единицей тюркских литературных языков, и хотя оно до сих пор используется в литературных языках большинства тюркских языков, это слово оставило свой след и в некоторых диалектах азербайджанского языка. Г. Мамедова показывает, что в современном живом разговорном языке встречаются некоторые слова, образованные от слова *tün*. Это ясно видно по составу слова *tünniyy* (*qarmaqarışılıq*), которое очень близко к старому значению древнего слова: *Bala, nə var tünniyyə girirsən, gəl bura* (Salyan). Кроме того, мы встречали его в выражении «*O yüz tiləxanadan // tünəxadan çıxıb*» одного из диалектов Сальянского района. В этом регионе данное слово часто употребляется в значении ‘*gecə hiyləgər*’ (ночь, лукавый). Обычно так говорят про человека непорядочного, лукавого, ведущего беспорядочный образ жизни. По нашему мнению, оно обозначает ‘*gecəxana, gecə əyləncə, kef məclisinin keçirildiyi yer*’ (ночной дом,очные развлечения, место, где проводитсяочные развлечения) [1, с. 110].

В. Радлов указывает, что слово *tün* на сойонском языке обозначает ‘*gecə*’ (ночь) *və* ‘*dünən*’ (вчера) [7, с. 1548; 4, с. 322]. По В. Радлову, *tüna* (на джигатайском имеет значение ‘вчера’), *tüna* (на уйгурском означает ‘ночлег’), *tünak* (на уйгурском означает ‘темное место, темнота; тюрма, изолятор’), *tünaqi* (на сигайском, на койболском, на джигатайском языках означает ‘вчерашний день’), *tüneqin* (на караимском языке означает ‘вчера’) и т.д. в формах *tün // tüna* асемантичны [7, с. 1549–1550; 4, с. 322]. Рассмотрим: *tünak* → *tün* — *a* → *tüna* → *tünak*; *tünaqi* → *tün* — *a* → *tünaqi* (*Azərbaycan dilində dünənki*); *tüneqin* → *tün* — *e* → *tüne* — *tüne* — *qin* // *kin* // *gün* → *tüneqin* (*Azərbaycan dilində dünən* → *dün* — *gün* → *dünən*) [4, с. 322].

Слово *Kərənək* (бабочка) было употреблено Насими в таких строках: *Çəkəm əynimə bu sikkeyi-mərdan kərənək, Biləsən qıldı mənim dərdimə dərman kərənək* [8, с. 117]. В азербайджанском диалекте это слово не употребляется, но в нескольких топонимах оно сохранилось. Так, на территории Грузии, где проживает азербайджанское население, есть деревня, которая называется Кərənəkçi. В древние времена для названия предмета одежды употреблялось слово

kərənək. Теперь это слово используется в виде варианта *yarınçı*. Слово *yarınçı* на узбекском языке произносится как *yâpinçik*, в туркменском употребляется в фонетическом варианте *yarınca*. Слово *kərənək* в турецком означает *kepenek* («бабочка»), а в казахском выступает в фонетическом варианте *kevenek* [3, с. 466–467]. В эпосе «Китаби-Деде Коркут» также употребляется лексическая единица *kərənək*: *Oğlana qara kərənək gedirmişlərdi* [9, с. 74]; *Qıl kərənək boyuncıgün sürər degil* [8, с. 75].

Слово *Sinək* на языке Насими обозначает “*milçək, çibin*” (муха): *Qanda kim şərh eyləsəm şirin todağın qəndini, Ərvah işar sinək kibi ol tatlu şirin qəndinə*. [2, с. 303]. В старых турецких словарях его фонетический вариант истолковывается как *siyək//sinək//sisək* и “*milçək, ağsaqanad*” (муха, комар) [10, с. 500].

Слово *sinək* в фонетическом варианте *siyək* в диалекте Сальянского района выступает в значении ‘*milçək növü*’ (вид мухи). Например: *Üzüm qalib günün, qıcqırıb, siyək basıb (danışıqdan)*.

Слово *siyək* в Ленъкоранском районном диалекте используется в своем фонетическом варианте (*sisək*) и обозначает ‘*həşərat növü, rıspısı*’ (виды насекомых) [6, с. 373; 1, с. 121]. Старое слово *sinək* на Керкукском диалекте то же обозначает ‘*milçək*’ (муха): *Onnardan göstərə billəm, çibin, milçək, və ya sirsiz, qarınca, əqrəb, bit...* [1, с. 121].

Слово *sinək*, в турецком известное как *sinek*, в туркменском используется в форме *siñek* [3, с. 782–783]. В своих фонетических вариантах в азербайджанском оно употребляется в форме *çibin*, в башкирском в форме *sivin*, в казахском в форме *şivin*, в киргизском в форме *çitin*, в татарском в форме *çivin*, в уйгурском в форме *çivin* [3, с. 782–783].

Слово *yeg* (лучше, красивее), хотя и архаично в современном азербайджанском литературном языке, сохранило свою древнюю форму в ордубадском и бакинском диалектах. В языке Насими оно употребляется в значении ‘*уахşı*’ (хорошо): *Şikayət eyləmənət dilbərin cəfasından, Ki onun cəfəsi bana yegdirür vəfasından* [2, с. 554]; *Mənə sürmə kimi ayağın tozu yaratır, Ki, degrəkdir anın tozu həkimin tutıyasından* [8, с. 159].

Слово *yeg* в турецком, в уйгурском и туркменском используется без каких-либо фонетических изменений. Это также следует считать признаком сильной интеграции.

Слово *yemiş* в древнетюркских памятниках отмечается в форме *yimiş* [4, с. 14]. В «Огузнаме» слово *yemiş* используется в значении ‘фрукт’ [11, с. 189]. В следующем двустишии Насими значение этого слова — ‘*meyvə, bir*’ (фрукт, один): *Tuba ağacının nədir yemiş, Hər ani ər yaratdı, yoxsa, dişi* [2, с. 559]; *Şirin həlavət ol yemiş imiş ki, sidrəsi Zatında xub xilqətü şirin üsul ola* [8, с. 16]. Слово *yemiş* в азербайджанских диалектах употребляется в трех значениях: 1) ‘*hər cür meyvə*’ (любой фрукт): *Bu il yemişimiz bol olub* (*Balakən*); 2) ‘*Quru meyvə qarışığı, üzüm qurusu*’ (сухая фруктовая смесь, сушеный виноград): *Bəşir bayramçının yemiş alıb* (*Şamaxı, Южный Азербайджан*); 3) ‘*Keçmişdə yaxşı xörəklər yeyib-içmiş (adam)*’ (Человек, который в прошлом ел и пил хорошую еду) [6, с. 245].

Слово *yemiş* в настоящем времени в литературном языке подверглось семантическому сокращению и употребляется только в значении ‘*qovun*’ (дыня) [1, с. 126]. В тюркских языках так обстоит дело с фонетическими вариантами слова *yemiş*: *yemiş* (*türk dilində*), *yimiş* (*başqırd dilində*), *jemis* (*qazax dilində*), *ğemiş* (*qırğız dilində*), *çimiş* (*tatar dilində*), *iymiş* (*türkmən dilində*), *yemiş* (*uyğur dilində*) [3, с. 982–983].

Было бы уместно сказать несколько слов о лексических значениях глаголов, употребляемых в произведениях Насими, в литературном языке и диалектах турецкого языка. Например: *Sur oldu, eşitmədi qulağım, Tayındı bu köprüdə ayağım*.

Азербайджанский языковед В. Асланов в статье «Некоторые заметки в языке Насими» пишет про диалектизм *tayındı*: “Глагол *tayın* является возвратным глаголом глагола *tay* – *sürüşmək* (поскользнувшись). В современном азербайджанском языке мы не встречаем ни глагола *tay*, ни глагола *tayın*. В настоящем время в некоторых диалектах азербайджанского языка употребляется слова, которые произошли от глагола *tay*: *tayta axsamaq* и *taytax* — *topal*” [17, с. 66].

Надо отметить, что в переходных диалектах гёйчай и агдаш азербайджанского языка и диалектной группе нахчыван слово *taytax* привлекает внимание своей производительностью. Одновременно это слово можно встретить в некоторых диалектах гагаузского языка. Слово *tay* в турецком, азербайджанском, башкирском, казахском, киргизском, узбекском, татарском, туркменском, уйгурском языках употребляется как существительное.

Глагол *iy* используется в языке Насими не только в значении ‘*uyğun gəlmək*’ (соответствовать), но также и в значении ‘*bilmək*’ (узнать). Надо учесть и то, что в словарях В. Радлова, Л. Будагова и С. Малова, в «Древнетюркском словаре» это слово истолковывается как *iy//oy//öy//ög — düşüncə, ağıl* (мышление, ум). Л. Будагов утверждает, что слова *düşüntək, fikirləşmək, götür-qoy etmək* (думать) семантически производные от глагола *oyla*, а этот глагол, в свою очередь, произошел от глагола *oy* [18, с. 162]. По нашему мнению, *oy// iy*, исторически выступая как глагол и существительное, помимо значения ‘*ağıl, dərtəkə*’ (ум), выражает также ‘*düşüntək*’ (думать). Слово *iy* в таком значении употребляется в произведениях Насими: *Şəhd isə düşmənin əli, alma sunarsa ol bali, İctərə əlində şəhdi sən, iy ki, xətadudur xəta* [17, с. 75].

Слово *iy* в значении *düşüntək* (думать) фиксируется в литературном языке и диалектах турков. Наши наблюдения показали, что больше 30-ти лексических единиц с корнем *iy* употребляется в турецком, азербайджанском, башкирском, казахском, киргизском, узбекском, татарском, туркменском, уйгурском и др. языках и диалектах, при этом большинство из них выражают разные значения.

Глагол *çaq feili* в диалектах нахыванской и карабахской группы азербайджанского языка употребляется в значении ‘*yandırmaq*’ (зажечь). Этот глагол в языке Насими имеет также значение ‘*xəbər vermək, car çəkmək*’ (сообщить):

*Razimi naməhrəmə çaqdı fəraq.
Çaqdı Nəsiminin dili allahi-nurun sirrini,
Ey nari-qüdsi qandasan, ta ol zəbani yaqasan.
Dilar səni Nəsimi aləmdə çəqa hərdəm,
Ta bilələr betəhqiq sən qatudan əyansan.*

Глагол *çaqtaq* в значении ‘*yandırmaq*’ (зажечь) можно встретить в литературных языках, а также в диалектах турецких, азербайджанских, казахских, киргизских, узбекских, татарских, туркменских, уйгурских тюрков.

Слова *gözdən* и *üzdən* в азербайджанском языке, соединяясь со словом *iraq* вместе с личными местоимениями и собственными существительными, принимая предложное падежное окончание, могут выступать в одном и том же значении (далеко): *səndən iraq, ondan iraq, Əhməddən iraq*. В одной из газелей Насими мы стано-

вимся свидетелями того, как искусно поэт употребляет слово *iraq* в том же значении со словом *gül*:

*Canıma keçdi firqətin, gör ki, nə nar içindəyəm,
Güldən irağ, gül kimi möhnətű xar içindəyəm.*

Конечно, в этом двустишии словосочетание *güldən irağ* также можно понимать и как *güldən uzaq olduğum üçün*.

Одной из особенностей поэтического дискурса Насими является то, что поэт способен одновременно использовать буквальные и образные значения слов и фраз. В словаре В. Радлова слово *irağ* встречается в смысле ‘*uzaq*’ (далеко). В «Нахчыванском диалектологическом словаре азербайджанского языка» отмечается, что это слово в ордубадском диалекте обозначает ‘*raig olmax*’ (*uzaq olmaq*) (быть далеко), бабекском и шахбузском диалектах употребляется в составе словосочетаний ‘*iraxcannan*’ (*canından iraq, Allah eləməsin*) (не дай Бог) [18, 91].

Произведения Насими, помимо глагольных диалектизмов, богаты диалектизмами, выраженными существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, даже служебными частями речи.

Интересно проследить, как используются формы существительного в языке Насими. Именительный падеж здесь употребляется вместо дательного падежа: *Həqqə varmaq doğru oldu yüzün*. Конечно, это двустишие можно объяснить и по-другому: после слова *varmaq* редуцирован предлог *üçün*. Тогда это двустишие нужно понимать так: *həqiqətə getmək üçün sənin üzün bizim doğru yolumuz oldu*.

Надо отметить, что слово *varmaq* принадлежит литературному субстрату турецкого языка. В азербайджанском литературном языке это слово не употребляется, оно архаичное, но сохранилось в диалектах: мы видим следы его существования в диалектах карабахской, ширванской, муганской группы. Этот диалектизм используется в нижеуказанных формах: в башкирским — *ölgäşiv*, *irişiv*, *yitiv*, в казахском — *jetüv*, *barıp kaluv*, в киргизском — *cetü*, в узбекском — *yetma'k*, *barma'k*, в татарском — *ölgäşü*, *irişü*, *çitü*, в туркменском — *barmak*, *barıp yetmək*, в уйгурском — *barmak*, *yätmäk*.

Мастер слова, Насими, для достижения определенных стилистических целей использовал и местоимения. Наследие гениального поэта представляет особый интерес с точки зрения частоты,

форм, стилистических особенностей и сочетаемости возвратного местоимения. Возвратные местоимения в тюркских языках, представлены двумя словами. Они могут выражаться специфическими формами с помощью лексических единиц *öz* и *kəndi*. Эти возвратные местоимения, используемые Насими, резко отличаются от их соответствий, функционирующих в современном литературном языке. Сначала обратим внимание на возвратное местоимение *öz*: использование в местоимении *öz* согласного *sağır nun* считается особенностью тюркских языков. Это фонетическое явление наблюдается во многих тюркских языках. Употребление возвратного местоимения *öz* с согласным *sağır nun* можно видеть в таких строках Насими: *Fani oldu özüñdən oldu həq* [1, с. 562]; *Özüñü bir yana saldı, təməni bir yan eylədi* [1, с. 203]; *Dərd ilə sən özüñü qılma məlül* [1, с. 576]. В этих примерах используемое *sağır nun* отличается от азербайджанского литературного языка. М. Исламов в монографии «Местоимения в тюркских языках» отмечает, что оно встречается в диалектах Казаха и Шеки. Например: *Özüñ görörsən, özüñ də qulaq astmersan* (*Qazax*); *Sənin özüñün kəli varyyidimi* (*Şəki*) [2, с. 145].

Исторически возвратные местоимения *öz* и *kəndi* в азербайджанском языке постоянно не использовались. Местоимение *kəndi* смогло сохраниться только в диалектах азербайджанского языка. В данный период в тюркских языках употребляется в интенсивной форме возвратное местоимение *öz*. В современном языке синоним лексической единицы *öz* — местоимение *kəndi*. Этим местоимением пользуются только в Турции. В тюркских языках интеграция *öz* была очень сильна. Это местоимение в своих фонетических вариантах употребляется в азербайджанском — *öz*, в башкирском — *üz, üzi*, в казахском — *öz (i), öz*, в киргизском — *oz*, узбецком — *öz, özi*, в татарском — *üz, üzi*, в туркменском — *öz, özi*, в уйгурском — *öz, özi* [3, с. 466–467].

Ссылаясь на древние письменные памятники тюркских языков, Х. Мирзазаде показывает, что значение, выраженное *öz*, и его роль в предложении не изменились.

В давних литературно-художественных произведениях корневая часть этого возвратного местоимения употребляется как синоним в ряду с *kəndi, kendi, kendu*. Но такое употребление считается типичным только для языка османского турецкого: *Kendiyi bilməyən bu dəm qorqu nədir nə bilsün ol. Kendusini, bilənlərə sur nədir xətər nədir* [4, с. 109].

Из фольклорных материалов, живой речи и современных диалектов ясно, что слова *kendi*, *kendu* не типичны для азербайджанского языка, и поэтому они не смогли в нем укорениться. В казахском диалекте и в диалекте болниси Грузии можно встретить только местоимение *kendi*, например: *kendi-yələn*, *kəndi-gələn*.

Вероятно, это было связано с влиянием западнотурецкого языка на язык писателей. Еще в начале XX века авторы, имитирующие язык турецких писателей в азербайджанской прессе и литературе, начали влиять на язык масс. В древнем и средневековом языке его отсутствие было результатом сопротивления людей такому употреблению. Поскольку происхождение слова *kendi* еще не полностью объяснено, невозможно сделать однозначного заключения по этому поводу.

Из наблюдений, которые мы сделали на материале литературных произведений, становится ясно, что сферы распространения и употребляемость слов *öz* и *kəndi* не были одинаковы, и второе уступало первому [4, с. 109].

Следует также отметить, что слово *kəndi* в исмаилинском и калбаджарском диалектах азербайджанского языка используется как существительное и означает ‘деревянная тарелка для хранения зерна’: *Bu il o qədər əmək günümə bugda düşüb ki, təzədən iki dənə də kəndi qayırmaq lazımdı* (*İsmayıllı*) [5, с. 258]. Как видим, в диалектах азербайджанского языка слова *kəndi* как местоимение и существительное могут создавать омонимичность.

Использование слова *kəndi* можно увидеть в языке Насими в различных фонетических вариантах, а также неоднократно и в сложных словах. Например: *Kendinizmi yazarım fərmanə bən. Ani kim elm bulub bilmədiksə kendinizimi* [4, с. 109]; *Kəndiiyi dəlüngə biraqdı, sürdi dügüñə gəldi* [1, 63]; *Kəndü-kəndü zatını eylər bəyan* [1, с. 624]; *Sən humayzi lamakansan, kəndözündən bixəbər* [1, с. 30] и т.д. На основании слова *kəndi* в современных тюркских языках появилось идиоматическое выражение *kəndliliğindən* (*özlüyündə, özbaşına*). В некоторых диалектах азербайджанского языка употребляется фразеологическое выражение *kəndinə gəlmək*. Выражение *özlüyümdə, öz başına*, употребляемое в азербайджанском литературном языке, на башкирском передается так: *üz aldına, üzinân-üzî*, на казахском — о. *öz-özinən, özinen özî*, на узбекском — *özicä, öz-özidön*, на киргизском — *özинөн özү*, на татарском — *üz aldına, üzinän üzî*, на туркменском — *öz-özü, özünden*, на уйгрском — *özi özidin, özi bilän özi* [3, с. 466–467].

Особый интерес представляет этимология и повторяющиеся семантические сдвиги в возвратных местоимениях *öz* и *kəndi*, которые употребляются в речи Насими. В грамматиках зафиксировано, что данный корень *öz* соответствует исходным значениям возвратных местоимений *özül*, *özək*. Однако с точки зрения современного языка они не функционируют как местоимения, хотя возвратные местоимения и происходят от этих слов [6, с. 174].

Возникает также интересный вопрос: почему практически невозможно наблюдать эту адаптацию в других родственных тюркских языках, хотя возвратное местоимение *kəndi* интегрировано в турецкий и азербайджанский язык? На наш взгляд, на всех этапах развития тюркских языков *öz* было более доминирующим, чем *kəndi*, и, следовательно, преобладание *öz* не допускало развития местоимения *kəndi*. Мирзазаде предполагает, что в результате близости между азербайджанским и турецким языками оба слова, имеющие одинаковое значение, функционировали вместе. Однако со временем они разделились, и в итоге в азербайджанском языке осталось *öz*, а в турецком — слово *kəndi* [4, с. 110].

Таким образом, исследуя следы процесса адаптации возвратных местоимений к трансформации тюркских языков на материале произведений великого азербайджанского поэта Насими, мы смогли описать морфологические особенности художественной речи великого мастера слова, а также систематическую интеграцию его авторского словаря в тюркские языки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Azərbaycan dilinin dialektoloji lügəti. Bakı, 1964.
2. Azərbaycan dilinin dialektoloji lügəti. Bakı, 1964.
3. Azərbaycan dilinin dialektoloji lügəti. Bakı, 2007.
4. Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialektoloji lügəti. Bakı, Elm və təhsil, 2017.
5. İslamov M. Türk dillərində əvəzliklər. Bakı, Elm, 1986.
6. Karşılaştırmalı türk lehceleri sözlüğü. Ankara, 1993. [in Azerbaijani].
7. Karşılaştırmalı türk lehceleri sözlüğü. Ankara, 1993.
8. Kitabi-Dədə Qorqud. Tərtib edənlər: F.Zeynalov, S.Əlizadə. Bakı, “Yazıcı”, 1988.
9. Məmmədov Q. Nəsiminin dili və Azərbaycan şivələri. Bakı. “Nurlan”, 2004.

10. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı, 1990.
11. Müasir Azərbaycan dili, II cild, morfologiya. Bakı, Elm, 1980.
12. Nəsimi İ. Məqalələr məcmuəsi. Bakı, Elm, 1973.
13. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edəni: H. Arası. Azərnəşr, 1973.
14. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edəni: H. Arası. Azərnəşr, 1973.
15. Oğuznamə. Bakı, "Yazıcı", 1987.
16. Qəhrəmanov Ç. Nəsiminin "Divanı"nın leksikası. Bakı. Elm. 1970.
17. Xəlilov B. 224 qədim türk sözü. Bakı, 2010.
18. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских, СПб., 1869. Т. 1. С. 162 [in Russian].
19. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III, ч 1. [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 03.05.2020 р.

*Гусейнова М. Н., д. філол. н., професор
Азербайджанський державний
педагогічний університет
(Республіка Азербайджан)*

ДІАЛЕКТИЗМИ В ТВОРАХ НАСІМІ ТА ЇХНЯ ІНТЕГРАЦІЯ В ТЮРКСЬКІ МОВИ

У цій статті проаналізовано діалектизми, що входять до авторського словника великого поета Ідеддіна Насімі, який зіграв видатну роль у розвитку азербайджанської літературної мови XIV–XV століть. Спираючись на твори фольклору та своїх великих попередників Хагані, Нізамі, провідних представників близькосхідної поезії, знайомий з усіма значеннями та формами класичної поезії, Насімі додав свіжості літературі своєї епохи, створив поетичні тексти, які зберігають цінність до нашого часу. Насімі умів майстерно використовувати усі фонетичні, лексичні та граматичні засоби мови. Великий поет, усвідомлюючи свою відповідальність як майстра слова в історії азербайджанської літературної мови, використовував також і діалектизми для створення певних стилістичних ефектів. Однією з найважливіших та актуальних проблем, що стоять перед сучасною тюркологією, є всебічне вивчення його літературної спадщини з її багатим та різноманітним словником. У цьому сенсі

кожен рядок, кожна строфа з віршів поета є нерозв'язаною задачею для будь-якого читача, далекого від східної поезії, ісламської релігії, східної теології та мітології.

Ця стаття стане першою спробою прокоментувати інтеграцію діалектів у творчій спадщині Насімі та інтеграцію відповідних лексем у тюркські мови. У статті проаналізовано також зворотні займенники (*oz*, *kendi*) та особливості їхнього використання у всіх тюркських мовах.

Ключові слова: займенники *oz*, *kendi*, зворотні займенники, тюркські мови, інтеграція спадщини Насімі, діалектизми.

*Huseynova M. N., Doctor of Philology, Professor
Azerbaijan State Pedagogical University
(Republic of Azerbaijan)*

DIALECTISMS IN NASIMI'S WORKS AND THEIR INTEGRATION INTO TURKIC LANGUAGES

In this paper, dialectic lexemes, which is the part of the vocabulary of an outstanding poet Imadaddin Nisami's, are analyzed. He played the great role in the development of the Azerbaijani language of the XIV–XV centuries. Based on the folk texts and the works of his famous predecessors Khagan, Nizami, leading representatives of the Middle East poetry, Nasimi himself, knowing and skillfully using all the meanings and forms of classical poetry, gave a new freshness to the literature of his epoch, created poetic texts which have been highly appreciated till our days. The outstanding poet realized his responsibility as a craftsman in the history of the standard Azerbaijani language, also used dialectic words for the creation of certain stylistic effects and enriching the vocabulary of the language. Being the master of his talent, he was able to express very subtle and deep philosophical meaning. The comprehensive investigation of his literary heritage with rich and varied vocabulary and its integration into Turkic languages is one of the urgent task which the modern Turkology faces. In this sense his every line and verse is the challenge for any reader who is far from the East poetry, Islamic religion eastern theology and mythology.

Undoubtedly, the scope of an article is beyond the scope of exploring this great and relevant topic. But this paper is the first attempt to investigate and comment the integration of the dialectic words into Nasimi's literary heritage and also the integration of these lexems into turkic languages. It is analyzed

also the peculiarities of reflexive pronounce (oz, kendi) and their usage in all Turkic languages.

Key words: the pronouns oz, kendi, reflexive pronouns, Turkic languages, Nasimi's heritage integration, dialectic words.

REFERENCES

1. Azərbaycan dilinin dialektoloji lügəti. Bakı, 1964. [in Azerbaijani].
2. Azərbaycan dilinin dialektoloji lügəti. Bakı, 1964. [in Azerbaijani].
3. Azərbaycan dilinin dialektoloji lügəti. Bakı, 2007. [in Azerbaijani].
4. Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialektoloji lügəti. Bakı, Elm və təhsil, 2017. [in Azerbaijani].
5. İslamov M. Türk dillərində əvəzliklər. Bakı, Elm, 1986. [in Azerbaijani].
6. Karşılaştırmalı türk lehceleri sözlüğü. Ankara, 1993. [in Azerbaijani].
7. Karşılaştırmalı türk lehceleri sözlüğü. Ankara, 1993. [in Azerbaijani].
8. Kitabi-Dədə Qorqud. Tərtib edənlər: F.Zeynalov, S.Əlizadə. Bakı, "Yazıcı", 1988. [in Azerbaijani].
9. Məmmədov Q. Nəsiminin dili və Azərbaycan şivələri. Bakı. "Nurlan", 2004. [in Azerbaijani].
10. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı, 1990. [in Azerbaijani].
11. Müasir Azərbaycan dili, II cild, morfologiya. Bakı, Elm, 1980. [in Azerbaijani].
12. Nəsimi İ. Məqalələr məcməsi. Bakı, Elm, 1973. [in Azerbaijani].
13. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edəni: H. Araslı. Azərnəşr, 1973. [in Azerbaijani].
14. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edəni: H. Araslı. Azərnəşr, 1973. [in Azerbaijani].
15. Oğuznamə. Bakı, "Yazıcı", 1987. [in Azerbaijani].
16. Qohrəmanov Ç. Nəsiminin "Divanı"nın leksikası. Bakı. Elm. 1970. [in Azerbaijani].
17. Xəlilov B. 224 qədim türk sözü. Bakı, 2010. [in Azerbaijani].
18. Budagov L. Sravnitelnyj slovar turetsko-tatarskikh narechij so vklucheniem upotrebitelejshikh slov arabskikh i persidskikh, SPb., 1869. T. 1. S. 162 [in Russian].
19. Radlov V. V. Opyt slovarya tyurkskikh narechij. Sankt Peterburg, 1905. T. III, ch 1 [in Russian].